

Д. А. Волков

К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

*Работа представлена кафедрой уголовного процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России.*

Научный руководитель – доктор юридических наук, доцент С. Д. Шестакова

В статье рассматривается процессуальное положение следователя и пределы его полномочий по действующему уголовно-процессуальному кодексу РФ, указывается на их необоснованное сужение и разъясняется необходимость закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве фактической, а не декларативной самостоятельности следователя.

The investigator's procedural position and borders of his plenary powers are considered in this article according to the present criminal procedural code of the Russian Federation. Also the author points out their groundless contraction and necessity of fixing an investigator's real but not declarative independence in the procedural criminal law.

В соответствии со ст. 38 УПК РФ следователь – это должностное лицо прокуратуры, органов внутренних дел, федеральной службы безопасности или органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, уполномоченное осуществлять предварительное следствие, а также иные полномочия в пределах своей компетенции.

Мы полностью поддерживаем точку зрения В. П. Божьева и А. И. Трусова, которые отмечают, что следователем можно считать такое лицо, которому «достаточно надежно гарантированы процессуальная самостоятельность, независимость и подчинение только закону»¹.

Процессуальная самостоятельность следователя – это его правовое положение, состоящее в том, что он самостоятельно, по собственной инициативе, на основании внутреннего убеждения, анализа имеющихся сведений и в соответствии с уголовно-процессуальным законом принимает все решения о направлении следствия и производстве следственных действий, за исключением случаев, когда законом предусмотрено получение санкции прокурора или согласие суда.

Фактически степень процессуальной самостоятельности следователя определяется: во-первых, объемом предоставленных ему уголовно-процессуальным законодательством полномочий, выполняемых им по собственной инициативе и, во-вторых, степенью его ведомственной подконтрольности и подчиненности, будь-то начальнику отдела, начальнику следственного управления, начальнику следственного комитета и т. д. или прокурору.

Сравнивая пределы полномочий следователя по УПК РФ с УПК РСФСР 1960 г., надо отметить, что действующим законодательством они значительно сужены.

В частности, следователь лишен права самостоятельно принимать решения о возбуждении уголовного дела, так как действующим уголовно-процессуальным кодексом предусмотрена необходимость получения согласия прокурора для принятия этого решения. На наш взгляд, установленная процедура не способствует ни укреплению законности, ни осуществлению целей и задач уголовного судопроизводства по той причине, что следственная деятельность осуществляется в условиях дефицита информации и времени, за время, потраченное следователем на получение согласия прокурора, в ряде случаев предполагаемые подозреваемые скрываются, следы преступления теряются, а вместе с ними и важнейшие доказательства по делу. Так, например, на практике встречаются случаи, когда прокурор при решении вопроса о дачи согласия на возбуждение уголовного дела по факту кражи имущества гражданина К., принимает решение о возвращении материалов на дополнительную проверку по причине отсутствия в них справки о стоимости похищенного имущества несмотря на то что и в заявлении, и в объяснении пострадавший подробно указывает перечень и стоимость похищенного. В представленных прокурору материалах также находится объяснение гражданина Н., задержанного «по горячим следам» и частично признающего в совершенной им краже. Ситуация осложняется тем, что заявление о преступлении поступило в ночное время и справку следователь получить не может. Принять решение о задержании гражданина Н. по подозрению в совершении преступления следователь тоже не может, так как не получил согласие прокурора на возбуждение уголовного дела. В результате, действуя в рамках закона, оперативные сотрудники, задержанного отпускают. Утром

того же дня следователь, выполнив указание прокурора, получает его согласие на возбуждение уголовного дела, однако к этому моменту гражданина Н. не оказывается по месту жительства, и впоследствии сотрудники органа дознания и следствия вновь затрачивают силы, средства и время на его поиски, а главное – отправление правосудия откладывается в подобных случаях на неопределенный срок.

Надо отметить, что не самым положительным образом установленная процедура отражается и на соблюдении прав подозреваемых в совершении преступления. В частности, прокурор, давший свое согласие на возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица, в случае принятия следователем по истечении срока предварительного расследования обоснованного решения о прекращении уголовного дела и уголовного преследования в отношении лица на основании п. 2 ч. 1 ст. 5 УПК РФ, охотнее будет отменять принятое следователем решение и раз за разом устанавливать сроки дополнительного решения, нежели «признается» в необоснованности принятого им решения о даче согласия на возбуждение данного уголовного дела².

Кроме того, действующий уголовно-процессуальный кодекс не наделяет следователя правом обжалования решения прокурора об отказе в даче согласия на возбуждение уголовного дела вышестоящему прокурору, что значительно ограничивает процессуальную самостоятельность следователя.

Действующий УПК РФ неоправданно ограничил процессуальную самостоятельность следователя также в том, что перед получением согласия суда на избрание в отношении обвиняемого (подозреваемого) меры пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста, а также на производство ряда следственных и процессуальных действий, он обязан получить санкцию прокурора (его согласие) для возбуждения перед судом ходатайств об этом, в невозможности избрания меры пресече-

ния в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого, за исключением случаев его объявления в международный розыск, невозможности самостоятельно принимать решение о соединении уголовных дел и выделении уголовного дела в ряде случаях и т. д.

Ограничение процессуальной самостоятельности следователя нам представляется и в праве прокурора, закрепленном в п. 8 ч. 2 ст. 37 УПК РФ именно в том виде, в каком оно прописано в законе: «изымать любое уголовное дело у органа дознания и передавать его следователю, передавать уголовное дело от одного следователя другому с обязательным указанием оснований такой передачи». Проблема заключается в том, что основания для передачи уголовного дела от одного следователя другому или от органа дознания следователю в УПК РФ, за исключением наличия оснований для отвода, не предусмотрены. Как показывает практика, в большинстве случаев при передаче уголовного дела от одного следователя другому «внутри» прокуратуры основания вообще не указываются, при передаче уголовного дела от органа дознания следователю либо от следователя органов внутренних дел следователю прокуратуры в качестве основания указывается высокая степень сложности дела и недостаточно высокий профессиональный уровень следователя, в производстве которого находилось уголовное дело. Таким образом, отсутствие четкой законодательной регламентации оснований изъятия и передачи дел существует юридическая возможность удалить особо принципиального следователя от расследования уголовного дела и передать его другому следователю, который примет по делу «нужное» решение.

Говоря о процессуальной самостоятельности следователя, нельзя не отметить характер его взаимоотношений с начальником следственного отдела.

К сожалению, в настоящее время не утратил актуальности вывод В. Т. Томина, сделанный им более 15 лет назад в моно-

графии, посвященной проблемам уголовного судопроизводства: «В следственном аппарате органов внутренних дел над следователем слишком много «надсмотрщиков», контролеров. В таких условиях следователь перестает быть органом предварительного следствия, а становится винтиком в бюрократическом аппарате. Хотелось бы подчеркнуть: начальник нужен следователю – должностному лицу. Следователю – участнику процесса, начальник вреден. Процессуальные отношения не должны уподобляться отношениям «начальник – подчиненный»³.

В УПК РФ в сравнении с УПК РСФСР перечень полномочий начальника следственного отдела еще более расширен, а перечень следственных и процессуальных действий, исполнение которых следователь при наличии письменных указаний начальника следственного отдела об их производстве может приостановить в случае обжалования сокращен (ч. 4 ст. 39 УПК РФ). В частности, не приостанавливается выполнение указаний начальника следственного отдела о направлении дела в суд с обвинительным заключением и о прекращении уголовного дела даже в случае несогласия с ними следователя.

Изложенное приводит к выводу о том, что самостоятельность следователя при производстве предварительного следствия по сравнению с УПК РСФСР еще более сузилась.

Кроме того, надо отметить, что даже и существующая норма, закрепляющая, как было отмечено, ограниченную процессуальную самостоятельность следователя (п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ) на практике не реализуется, да и не может быть реализована по следующей причине. Процессуальная самостоятельность следователя, закрепленная в УПК РФ, состоит в том, что исполнение некоторых указаний прокурора и начальника следственного отдела приостанавливается в случае обжалования их следователем соответственно вышестоящему или надзирающему прокурору (ч. 3 ст. 38

УПК РФ). Однако, как известно, следователи состоят в следственных подразделениях различных ведомств, и за ними осуществляется и процессуальный, и административный контроль. В частности, для следователей прокуратуры прокурор является непосредственным начальником, в компетенцию которого входит решение вопросов о назначении следователя на должность, освобождения от нее, решение вопросов о его дисциплинарной ответственности и многие другие служебные вопросы. Следователи других правоохранительных органов находятся вообще в двойном подчинении. Как показывает практика, следователи крайне редко пользуются своим правом обжалования указаний, как прокурора, так и начальника следственного отдела.

Мы согласны с авторами «Концепции судебной реформы в РСФСР», принятой Верховным Советом Российской Федерации 24 октября 1991 г., что такая «провозглашенная законом процессуальная самостоятельность является декларацией, лишенной реальных гарантий»⁴.

Вместе с тем, процессуальная самостоятельность следователя является одной из главных характеристик его статуса, необходимым условием успешно проведенного предварительного расследования и представляет реальную гарантию законности и обоснованности принимаемых им процессуальных решений. В этой связи следователь должен быть всегда процессуально самостоятельной фигурой в уголовном судопроизводстве и не превращаться в «технического исполнителя решений и указаний прокурора»⁵. При этом мы согласны с В. Н. Голубевым в том, что самостоятельность следователя может быть ограничена лишь при производстве действий существенно затрагивающих права и интересы личности, при этом защита прав личности не должна превращаться в самоцель, а должна служить гарантией принятия законного и обоснованного решения. Законодательное закрепление соотношений между объемом полномочий следователя

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

как самостоятельного субъекта предварительного расследования и его пределами и будет являться основой успешного достижения целей уголовного судопроизводства⁶.

Таким образом, в целях расширения процессуальной самостоятельности следователя представляется целесообразным

внести в УПК РФ положение, согласно которому обжалование следователем любого указания прокурора или начальника следственного отдела приостанавливает его исполнение, а также закрепить право следователя обжаловать отказ прокурора дать согласие на возбуждение уголовного дела вышестоящему прокурору.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Божьев В. П., Трусов А.И.* Процессуальная самостоятельность и независимость следователя: история и современность // Проблемы формирования социалистического правового государства. Сборник Академии МВД СССР. М., 1991. С. 120.

² Данное обстоятельство также обусловлено и существующей в правоохранительных органах «палочной» системы, при которой среди прочих, как негативный результат работы прокуратуры, считается количество необоснованно данных согласий на возбуждение уголовного дела.

³ *Томин В. Т.* Острые углы уголовного судопроизводства. М., С. 138; См. также: *Ларин А.М.* Преступность и раскрываемость преступлений // Государство и право. 1999. № 4. С. 84.

⁴ Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М., 1992.

⁵ *Кудрявцев В. Н., Трусов А. И.* Политическая юстиция в России. СПб., 2000. С. 236.

⁶ *Голубев Н. П.* Организационно-правовые аспекты следственной деятельности.: Дисс. ...канд. юрид. наук. СПб., 2005. С. 86.